

И. А. МихалевичУчреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
ул. Ожешко, 22, 220023 Гродно, Республика Беларусь, +375 (33) 656 17 08, irkahudoba@mail.ru**ЯЗЫК РОМАНОВ С. И. ВИТКЕВИЧА**

Главное достоинство любого романа — богатый литературный язык, на котором он написан, а автор является не только его носителем, но и творцом. При создании художественного произведения каждый писатель использует ту лексическую базу, которая находится в его распоряжении. Станислав Игнаций Виткевич умело применяет не только выразительные средства родного языка, но и активно внедряет заимствования, что придает его романам особый колорит. Настоящая статья посвящена анализу отличительных особенностей художественного стиля писателя. Говоря об авторском стиле в контексте данной работы, мы имеем в виду уникальность языка романиста и его манеру изложения. В результате проведенного исследования установлено, что своеобразие прозы польского писателя полностью передает стремление Виткевича показать катастрофизм мира, вырождение культуры и, соответственно, языка. Это отражается в нагромождении текста романов всевозможными комментариями, кавычками, примечаниями, новыми непонятными словами, а также вульгаризмами и разговорной лексикой.

Ключевые слова: С. И. Виткевич; роман; язык; неологизм; варваризм; вульгаризм; художественный стиль.
Библиогр.: 8 назв.

I. A. MikhalewichGrodno State University named after Yanka Kupala, 22 Ozheshko Str.,
230023 Grodno, the Republic of Belarus, +375 (33) 656 17 08, irkahudoba@mail.ru**THE LANGUAGE OF S. I. VITKEVICH'S NOVELS**

The main advantage of any novel is the rich literary language in which it is written, and the author is not only its native speaker, but also its creator. When creating a work of art, each writer turns to the lexical fund of the language that is at his disposal. Stanislaw Ignacy Witkewich skillfully uses not only the expressive means of his native language, but also actively introduces borrowings, that gives his novels a special flavor. This article is devoted to the analysis of the writer's artistic style distinctive features. Speaking about the author's style in the context of this work, we mean the uniqueness of the novelist's language and his manner of presentation. As a result of the research, it was discovered that the originality of the Polish writer's prose fully conveys Witkewich's desire to show the catastrophism of the world, the degeneration of culture and, consequently, language. This is reflected in the piling up of the text of novels with all kinds of comments, quotation marks, notes, new incomprehensible words, as well as vulgarisms and colloquial vocabulary.

Key words: S. I. Vitkevich; novel; language; neologism; barbarism; vulgarism; artistic style.
Ref.: 8 titles.

Введение. Станислав Игнаций Виткевич (Виткаций) — польский писатель, обладающий специфическим мировоззрением. Его мысли и образ жизни весьма пессимистичны: они пронизаны предчувствием гибели ценностных ориентиров и катастрофы цивилизации. Виткевичу было сложно оправиться от потрясений, которые настигли мир в первой половине XX века (революции, кровопролитные войны, господство тоталитарной системы). Драмы и романы стали для автора своеобразной художественной средой, изображающей его катастрофическую теорию о гибели человека и высшей культуре. Следовательно, и манера письма соответствовала его мировоззрению. А. Б. Базилевский отмечает, что тексты писателя сотканы из цитат и отступлений, С. И. Виткевич мастерски переплетает пласты поэтической, разговорной и научной речи, вызывая тем самым глубокий интерес к изучению его прозы [1, с. 136—137].

Вопросы художественного стиля и своеобразия романов польского автора освещались в работах как русских (В. В. Мочалова, А. Б. Базилевский), так и зарубежных исследователей (М. Nowotny-Szybistowa, J. Blonski, F. Galassi). При этом были изучены лишь отдельные аспекты прозы С. И. Виткевича. В данной статье предпринята попытка более подробно рассмотреть и охарактеризовать авторскую манеру письма польского романиста.

Материалы и методы исследования. Эмпирическим материалом для исследования выступили два наиболее известных романа автора — “*Pożegnanie jesieni*” («Прощание с осенью», 1925—1926) и “*Nienasylenie*” («Ненасытимость», 1930). Для раскрытия особенностей художественного стиля писателя использованы теоретические работы русскоязычных и зарубежных литературоведов, а также контекстуальный и стилистический анализ художественного текста.

Результаты исследования и их обсуждение. Невозможно оценивать характер художественной речи писателя без учета его взглядов на роль языка в общем. Станислав Игнаций Виткевич был убежден, что “*język jest tworzywem, z którym należy eksperymentować*” [2, с. 131] («язык — это материал, с которым следует экспериментировать»), и, безусловно, придерживался этого убеждения при написании своих творческих работ. В романах «Прощание с осенью» и «Ненасытимость» Виткевич не пожалел многочисленных неологизмов с удивительными значениями, причудливых вульгаризмов, разнообразных варваризмов, сочетал, казалось бы, несочетаемые стили, повседневные фразы, ругательства и философские рассуждения, полные научной лексики. Стиль Виткевича основывался на стремлении построить язык, адекватный действительности его романов. Ведь чтобы представить деградировавшую и фальсифицированную культуру, роман должен использовать такой же деградировавший и фальсифицированный язык. Это подтверждает литературовед Магдалена Новотны-Шибистова в своей работе, посвященной анализу прозы польского писателя: “*Silne przekonanie o zużyciu się składników dotychczasowej kultury, a w tym również elementów języka, jest punktem wyjścia jego operacji semantycznych*” [3, с. 12] («Твердое убеждение в том, что компоненты нынешней культуры, включая элементы языка, изношены, является отправной точкой его (С. И. Виткевича — И. М.) семантических операций»).

Виткевич воспринимал культуру как абсурдную конструкцию, лишенную ценностей, но сохраняющую иерархию. Соответственно, в своих романах он пытался описать и оценить реальность двумя взаимодополняющими способами. Первый путь — использование множества языков в рамках одного произведения, зачастую несовместимых с ситуацией и непонятных читателю. В романах встречаются заимствования из восьми языков: **русского** («*Валентинообразное существо*» [4, с. 26]), **французского** («*au moral et au physique*» [4, с. 139] («морально и физически»)), **немецкого** (“*Wovon man nicht sprechen kann, darüber muss man schweigen*” [4, с. 84] («О чем невозможно говорить, о том следует молчать»)), **английского** (“*butler*”) [5, с. 217] («дворецкий»)), **испанского** (“*gurgito nel campo vasto*” [5, с. 12] («вулканчик в чистом поле»)), **итальянского** (“*da capo*” [5, с. 104] («сначала»)), **латинского** (“*Murtibingitis acuta*” [4, с. 370] («Муртибингическая немочь»), “*Ergo*” [5, с. 63] («следовательно»)) и **словацкого** (“*Nech sa páči*” [4, с. 395] («Пожалуйста»)). Такое обилие варваризмов в лексиконе писателя В. В. Мочалова объясняет тем, что, обращаясь к иноязычной лексике, писатель «не только преодолевает границы польской языковой системы, но и выходит за пределы национального менталитета, расширяет пространство привычного мышления и представлений за счет преумножения, введения в свой художественный мир инациональных — воплощенных в других языках — ментальных пространств» [6, с. 118]. Действительно, Виткевич считал, что его творчество способны понять лишь избранные, поэтому не давал перевод иностранных слов, ломая таким образом все правила написания романа.

Второй путь — включение нецензурной лексики, ругательств и индивидуально-авторских неологизмов в текст произведений. Благодаря использованию таких слов, Виткевич более точно раскрывает взаимоотношения героев, описывает их характеры и психологическое состояние. Так, например, с помощью вульгаризмов автор показывает непростую ситуацию взаимодействия Генезипа и его отца, который даже на смертном одре не меняет своего отношения к сыну: “*Ten wyskrobek mało mi się udał, ale po śmierci jeszcze go przetrząchnę, na miły Bóg: pekeflejsz z niego zrobie*” [4, с. 39] («А выродок мой мне не удался, но я его и после смерти шаракну, за милую душу: отбивную из него сделаю») [7, с. 33].

Душевные метания и терзания главного героя романа «Прощание с осенью» Атаназия Базакбала проявляются в оскорбительных выражениях в адрес жены и любовницы:

— *Rozumisz durniu — mówił księciu Atanazy — kocham jedynie swoją żonę. Zosia to biedna pokojowa suczka, którą kocham też, ale to nic*» [5, с. 233] («— Понимаешь, дурень, — говорил князю Атаназий, — я люблю только твою жену. Зося — это бедная комнатная сучка, которую я тоже люблю, но это ничего» [8, с. 127].

Анализируя прозу С. И. Виткевича, нельзя не заострить внимание на обилии созданных писателем неологизмов. Рассмотрим несколько примеров:

— *“Kocmołuchowicz w towarzystwie Zypcia i Oleśnickiego objeżdżał front w malej, eleganckiej «pierdoletce», jak nazywano ten typ torpedowych, luksusowych tanków”* [4, с. 399] («Коцмолухович в сопровождении Зипа и Олесницкого объезжал фронт на маленькой элегантной “пердолетке”, как называли этот тип шикарных торпедных танков») [7, с. 420];

— *“Wszystko możliwem było jutro (śmierć, zrabowanie palacu i t. p. rzeczy), a więc dziś znowu trywuty i sosy agamelinowe i murbje na zimno (cud sztuki kulinarnej); taftany na słodko-słono i wino z wyspy Dżebel-Cukur i koniak ze zdegenerowanych winogron Radżdży Timoru”* [5, с. 187] («Завтра могло быть все (смерть, разграбление дворца и т. п. вещи), а потому сегодня снова тривуты и агамелиновые соусы, мурбии в холодном виде (чудо кулинарного искусства), сладко-соленые тафтаны и вино с острова Джебель-Чукур, и коньяк из выродившихся лоз раджи Тимора») [8, с. 90];

— *“— Masz koko — mówił Łohoycki czule — odrobinę weź — otrezeźwiejesz natychmiast”* [5, с. 191] («— Вот тебе “коко”, — нежно говорил Логойский, — прими чуток, моментально протрезвеешь») [8, с. 104];

— *“Jak każdy prawdziwy «drogista» (wyrażenie Ziezia Smorskiego) znajdował całą rozkosz we wprowadzaniu w ten świat innych”* [5, с. 228] («Как каждый настоящий “дрогист” (выражение Зеи Смурского), он получал истинное наслаждение от того, что вводил в этот мир других») [8, с. 124];

— *“Najdziwniejsze zaś było to, że nowa wiara (o której wspomnieli w rozmówkach swych tamci panowie w pustelni), tzw. «murtibingizm», zaczęła szerzyć się nią, jak dotąd teozofia i inne półreligijne wyznania, od szczytów społeczeństwa, tylko od tego właśnie falującego dna”* [4, с. 93] («Самым странным было то, что новая вера (которая была упомянута в разговоре в скиту), так называемый муртибингизм, начинала распространяться не от верхушки общества, как теософия и другие полу религиозные верования, а именно от зыбкого общественного дна») [7, с. 125].

Несмотря на то, что автор косвенно дает пояснения своим неологизмам, странная новая лексика привлекает внимание необычным сочетанием или сокращением элементов, составляющих слово, и заставляет читателя искать тот единственный уникальный существенный смысл.

Таким образом, особенность стиля С. И. Виткевича заключается в том, что он выходит за рамки норм литературного польского языка. Более того, употребление разнообразной лексики в рамках одного произведения позволяет живо и ярко воплотить замысел и выразить представления о мире, что, несомненно, увеличивает энтропию романа, а также вынуждает читателя преодолевать барьеры традиционного чтения.

Важно также отметить, что все слова в романах выполняют денотативную функцию, но и здесь Виткевич проявляет свое несогласие с устройством языка. Многим лексемам он дает уточнения с помощью графем (кавычки, скобки, вопросительные и восклицательные знаки), деструктивных комментариев или списков синонимов:

а) кавычки — *“Dwudziestoletniego markiza nie obchodziły nic losy kraju. <...> Prześlizchny brunecik, ubrany w airdal’owego koloru garnitur od potomków Skwary, półleżał rozwalony na fotelu, chrupiąc tartinki, a nad nim stał, potężny jak dzik rasowy w ostępie oziępienia, Księżę papa”* [4, с. 93] («Двадцатилетнего маркиза судьба страны совершенно не заботила. <...> Брюнестый красавчик в моднейшем костюме коричневатого цвета, развалившись в кресле, грыз тартинки, а над ним возвышался как могучий породистый, но тупой кабан, князь-папа» [7, с. 92];

б) скобки — *“Czuł się czemś tak marnem i nizkim, jak rozdeptane (koniecznierzdeptane) jakieś świństwo nadrodze, aklamać musiał dalej”* [5, с. 253] («Он ощущал себя чем-то таким пустым и низким, как какую-нибудь растоптанную (непрерывно растоптанную) пакость на дороге, но вынужден был врать и дальше») [8, с. 122];

в) синонимы — *“Tengier chcąc zbadać koeficjent «obrzydliwości» swego nowego przyjaciela — («wstrętności», «ohydliwości» — nie ma na to wyrazu ani odpowiedniej transformacji końcówki) — po prostu chcąc sprawdzić, jak łatwo jest obrzydzić Genezypowi siebie i swoje machinacje, pocałował go nagle w usta swymi szerokimi, pachnącymi (raczej nie pachnącymi) surowym mięsem czy zwierzęcym pyskiem ustami”* [4, с. 46] («Тенгер, желая проверить коэффициент “отвращения” своего нового друга (“противности”, “омерзения” — для этого нет подходящего слова и соответствующего окончания), — иначе говоря, желая проверить, насколько тот терпим к нему и его действиям, вдруг поцеловал Генезипа в губы своими широкими устами, пахнущими (скорее не пахнущими) сырым мясом или звериной пастью») [7, с. 59];

г) скобки и деструктивный комментарий — *“W tej chwili myślał o Heli z niezmierną czułością (tendresse — czułość wstrętne słowo) połączoną z wściekłym gniewem na nią o sweda”* [5, с. 293] («В этот момент он думал о Геле с бесконечной нежностью (tendresse — нежность, отвратительное слово), соединенной с бешеным гневом на нее из-за шведа») [8, с. 158];

д) скобки, деструктивные комментарии и список синонимов — *“Poczucie tego «pecha» (znowu nie ma polskiego słowa – wgniot, klapzder, niechód, wypsnek, wygwizd, nieud, chlust, gwajdlak, kerdas, rypcio, gwajdluk, potknianka, lośnik, fatalik, spędk, zwiej(ka), chłapniak, zwichniak, chwist, zgnojek — dosyć — wszystko brzmi jak ze złodziejskiego słownika wyjęte — co u diabła? Czyż u nas nie można mieć dystygowanego pecha?)”* [4, с. 315] («Ощущение этой “неудачи” (по-польски также — срыв, неудача, неуспех, вгнет, облом, неходняк, выскольз, высвист, неудец, хлуст, непруха, кердон, гвайдлюк, спотыкан, выскользун, сползок, выпадон, недокхват, предзнак, судьбец, фаталяк, свихня, хвист, сгнояк — довольно — все как из воровского лексикона — что такое, черт возьми? Неужели у нас невозможен изысканный “провал”)?» [7, с. 393].

Следует отметить, что такого рода синтаксические конструкции достаточно часто встречаются в романах и нагромождают язык замысловатыми, порою непонятными для читателя лексемами, что добавляет сложности при прочтении этих текстов.

Заключение. Язык прозы С. И. Виткевича необычайно богат и затейлив. Благодаря его колоритности, автор выражает свое катастрофическое мировоззрение. В рамках одного романа сталкиваются и гармонично соседствуют литературные и разговорные слова, множество красочных и оскорбительных неологизмов, скобки, кавычки, комментарии и всевозможные самореферентные примечания. Лингвистическое мастерство польского писателя заключается в том, что, активно используя разнообразные словесные эксперименты, он разрушил устоявшиеся закономерности и ассоциации. Автор «Ненасытимости» и «Прощания с осенью» создал произведения, которые побуждают читателя задуматься не только о замысле романа, но и о значении слов. Это, на первый взгляд, усложняет восприятие прозы Виткевича, но в то же время демонстрирует истинный талант и изобретательность польского художника слова, которому удалось создать свой неповторимый художественный стиль.

Список цитируемых источников

1. Базилевский, А. Б. Виткевич: повесть о вечном безвременье / А. Б. Базилевский. — М. : Наследие, 2000. — 197 с.
2. Stanisław Ignacy Witkiewicz człowiek i twórca : księga pamiątkowa / red. T. Kotarbiński, J. E. Płomiński. — Warszawa : Państwowy Instytut Wydawniczy, 1957. — 406 s.
3. Nowotny-Szybistowa, M. Osobliwości leksykalne w języku Stanisława Ignacego Witkiewicza / M. Nowotny-Szybistowa. — Wrocław : PAN. Instytut badań literackich, 1973. — 165 s.
4. Witkiewicz, S. I. Nienasylenie / S. I. Witkiewicz. — Warszawa : Państwowy instytut wydawniczy, 1982. — 429 s.
5. Witkiewicz, S. I. Pożegnanie jesieni : powieść / S. I. Witkiewicz. — Warszawa : Niezależna oficyna wydawnicza, 1981. — 450 s.

6. Мочалова, В. В. Семантика русскоязычных заимствований у Ст. И. Виткевича и «образ» России / В. В. Мочалова // *Studia polonica*. К 60-летию Виктора Александровича Хорева : сб. науч. ст. / Ин-т славяноведения и балканистики РАН ; редкол.: Б. Ф. Стахеев (отв. ред.), О. Р. Медведева, В. В. Мочалова. — М. : Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1992. — С. 117—132.
7. Виткевич, С. И. Ненасытимость : роман / С. И. Виткевич ; пер. с пол. Ю. Чайникова ; послесл. и прим. А. Базилевского. — М. : Вахазар : РИПОЛ классик, 2004. — 633 с.
8. Виткевич, С. И. Прощание с осенью : роман / С. И. Виткевич ; пер. с пол. Ю. Чайникова ; послесл. и прим. А. Базилевского. — М. : Вахазар : РИПОЛ классик, 2006. — 460 с.

Поступила в редакцию 06.11.2024.